

История

Китай и Александр Невский: по следам загадочной экспедиции 1261 г.

© 2018

В.Л. Бронников

В статье освещается проблема, относящаяся к раннему периоду истории российско-китайских отношений: могла ли первая русская экспедиция в Китай произойти в 1261 г.? Китайский ученый и чиновник XIII в. Ван Юнь упомянул о приезде путешественников из страны Фа-лан в начале правления императора Хубилая. Рассмотрена история появления и изучения этого текста. Определены основные версии, откуда могло прибыть это посольство. Приведены аргументы, которые косвенно свидетельствуют в пользу русской версии происхождения этой экспедиции.

Ключевые слова: русско-китайские отношения, Хубилай, Александр Невский, история путешествий, Маэдзима Синдзи, Герберт Франке, Питер Джексон.

DOI: 10.31857/S013128120000161-8

В этом году отмечается четырехсотлетие российско-китайских отношений: 1 сентября 1618 г. Иван Петлин со своими спутниками достиг столицы Поднебесной, заложив первый камень в основание отношений двух держав. Тем не менее нельзя забывать и о предыстории официального установления отношений. В древнерусских литературных памятниках веками накапливались сведения о Китае, к XVI веку в России были известны товары из восточной империи. В самом же Китае в XIV веке жило множество русских, уведенных в полон во время монгольских нашествий: многие пленники работали как ремесленники, а часть даже была организована в гвардейский полк. Однако ничего не известно об официальных попытках двух стран установить отношения до начала XVII века¹.

Вместе с тем существует источник, один фрагмент которого истолковывается рядом исследователей как свидетельство прибытия первой русской экспедиции в Китай еще в середине XIII века. Впервые в 1951 г. на этот пассаж обратил внимание японский исследователь, профессор университета Кэйо Синдзи Маэдзима (1903–1983), который был удивлен, что раньше никто не замечал этого свидетельства. «Странно, что такой документ упускался из виду ориенталистами до сего дня», — отмечал ученый².

Источник сразу вызвал большие споры среди исследователей, которые по-разному объясняли, откуда же прибыла загадочная экспедиция и с какими событиями политической истории ее можно связать. Рассмотрим сам текст источника, его происхождение и попытки интерпретации.

Автором текста является выдающийся чиновник и поэт Ван Юнь (1228–1304). Его биография известна из официальной династийной хроники «Юань ши». Он родился в империи Цзинь, но службу начал уже во время монгольского владычества при династии Юань. Некоторое время он служил на одном и том же месте, но с 1268 г. по делам службы стал ездить по стране, посетив провинции Хэнань, Фуцзянь, Шаньдун, а впоследствии был вызван в столицу для службы в Академии Ханьлинь. Для современников Ван Юнь был также известен как талантливый поэт, написавший множество произведений о жизни простого народа, часть которых сохранилась до наших дней³.

Во время службы Ван Юня в органе *Чжун тан*, что можно перевести как Срединная приемная (Маэдзима объяснил название этого органа как Департамент центрального секретариата), ему было поручено вести журнал, называвшийся «Чжун тан ши цзи»⁴⁵. Этот документ содержит подробную хронику событий за период с одиннадцатого месяца 1260 по восьмой месяц 1261 г., то есть является самым подробным источником по истории первых лет правления императора Хубилая. В сборнике сочинений Ван Юня, который называется «Циу цзянь сянь шэн да цюань цзи», журнал включен как главы 80–82. Сборник был издан в серии «Сы бу цун кань» («Собрание публикаций по четырем разделам»), выходящей в 1919–1936 гг.⁶

О событиях седьмого дня пятого месяца во второй год эры летоисчисления Чжунтун⁷, то есть 6 июня 1261 г. Ван Юнь написал в журнале следующий пассаж (гл. 81, 9б—10а): «В этот день страна Фа-лан отправила людей, которые прибыли, чтобы преподнести одежду, изготовленную из растительного волокна, и другие предметы. Эти посланники находились в пути из своей Родины до Шанду (резиденция Хубилая, верхняя столица. — В. Б.) уже три года. Они рассказывали, что их страна находится на Крайнем Западе за уйгурами. Там всегда дневной свет, и нет ночи. Когда полевые мыши вылезают из своих норок, тогда наступает вечер. Когда там умирали люди, то все зывали с надеждой к небу, и иногда происходило так, что кто-нибудь снова возвращался к жизни. Все мухи и комары появлялись из древесины. Женщины были чрезвычайно красивы, а мужчины имели голубые глаза и белокурые волосы. На пути путешествия встретилось два моря; для того, чтобы переплыть одно, необходим был месяц, а другое — целый год. Судна были так велики, что могли вместить от 50 до 100 человек. Чаша для вина, преподнесенная теми людьми, была изготовлена из половины большого яйца морской птицы. Когда в него наливали холодное вино, оно тотчас становилось теплым. Должно быть, это одна из тех чаш, которые сегодня называют “чашами для нагревания холодного”. Император был восхищен, что эти люди прибыли издалека, и за знания одарил их щедро ответными подарками из золота и тканями»⁸.

В трудах Синдзи Маэдзима приводится и оригинальный текст сочинения⁹.

Г. Франке, пытаясь найти еще какие-то детали о таинственном путешествии, исследовал другие источники, содержащие информацию о начале правления Хубилая. В результате ему удалось найти интересующие его сведения в династийной хронике «Юань ши», в которой, они, правда, еще более лапидарны (гл. 7, 10b): «Из страны Фа-лан прибыли доставщики с данью, произведенной в их стране, и были одарены золотом и тканями и отправлены назад»¹⁰.

Начал исследовать данный источник, как уже упоминалось выше, Синдзи Маэдзима. Он отметил, что долгое время считалось, что первыми европейцами, побывавшими при дворе Хубилая, были братья Поло (Никколо, отец Марко, вместе со своим братом Маттео). В данном источнике речь, исходя из сопоставления дат, совершенно точно, идет не о приезде братьев Поло¹¹. Путешественники Никколо и Маттео держали свой путь че-

рез Бухару, где им пришлось задержаться на три года из-за войн между татарами. После установившегося мира мудрый посланник от Хулагу был отправлен к Хубилаю, он же, узнав о прибывавших сюда латинянах, был этим обрадован, так как никогда не видел их раньше. Посол предложил братьям следовать с ним ко двору Хубилая, который тоже раньше не видел латинян и с удовольствием бы узнал от них об их странах, за что они будут приняты им с почетом. После путешествия, которое продлилось в течение года, Поло прибыли ко двору императора (около 1266 г.) В «Книге о разнообразии мира» (гл. 6–7) Марко так описал реакцию правителя: «Принял он их с почетом, с весельями да с пирами; был он очень доволен их приходом, так как никогда не видел латинян, потому что в эти времена люди стран Заката не были в этих землях. О многом он их расспрашивал: прежде всего расспрашивал он об императорах, о том, как они управляют своими владениями, творят суд в своих странах, как они ходят на войну, и так далее, о всех делах; спрашивал он потом и о королях, князьях и других баронах. Спрашивал он их еще об апостоле, о всех делах Римской Церкви и об обычаях латинян. Говорили ему Николай и Матвей обо всем правду, по порядку и умно; люди они были разумные и по-татарски знали»¹². После прибытия Марко Поло Хубилай также сообщил ему о том, что до прибытия его отца и дяди он ни разу не встречал латинян¹³.

Относительно словосочетания Фа-лан го у японского исследователя не было никаких сомнений: он однозначно перевел это словосочетание, как «страна франков».

Ученый, опираясь на «Персидско-английский словарь» (F. Streingass), указал, что персы под терминами «фаранг» или «фиринг» понимали «франка, итальянца, европейца, христианина, любой народ, который носит короткую цветастую одежду». Производные термины «Фарангистан, Фирингистан» обозначают Италию, Францию, государство франков, а «франги и фринги» — это итальянцы, французы или все европейские христиане. Таким образом, по мысли Синдзи Маэдзима, упомянутый термин является персидским заимствованием слова «франги», превратившимся в китайском языке в «фа-лан». Автор привел множество примеров использования этого термина в китайской литературе эпохи Юань. Например, китайский автор XIII века, описавший экспедицию в улус Хулагу, использовал термин «фаранг», которым обозначал европейца¹⁴.

Встречается также этот термин и применительно к приехавшим в Китай посланникам Папы Бенедикта XII во главе с Джованни де Мариньолли, прибывшим в Пекин в 1342 г., о чем есть упоминание в хронике «Юань ши»: «Осенью, седьмого месяца, послы государства Фа-лан подарили прекрасных лошадей». Примечательно, что определение «фа-лан» стало применяться и по отношению к европейским лошадям: подарок настолько понравился китайцам, что поэты стали писать поэмы о небесном коне *Тянь ма*. В сохранившихся поэмах страна, из которой прибыли небесные кони, именуется *Фу-лан го* или *Фу-лин го*¹⁵.

Как показал исследователь, похожее понятие *фу-лан-цзи* применялось впоследствии уже при династии Мин для обозначения выходцев из Испании и Португалии. Так, на факт наименования мусульманами всех европейцев термином фу-лан-цзи обращал внимание работавший в начале XVII века в Китае ученый иезуит Юлиус Алени (1582–1649), автор книги «География мира»¹⁶.

Наконец, окончательно разобравшись с этимологией слова, ученый перешел к анализу содержания источника. По его мнению, под упомянутыми в тексте двумя морями следует понимать Средиземное и Черное моря. Однако автора смутило сообщение о феномене белых ночей, который характерен только для северных широт, например, Скандинавских стран. Он пытался объяснить этот факт просто эрудицией путешественников, которые пытались поразить двор китайского императора сообщением о необычном природном явлении. Светлый цвет глаз и волос также, по его мнению, нельзя однозначно интерпретировать в пользу североευропейского происхождения путешественников, так как подобные признаки иногда встречаются и у итальянцев, например, лан-

гобардов. В стихах китайского придворного поэта Чжоу Байци (1298–1369) упоминается конь, подаренный итальянскими послами, прибывшими с Дж. Мариньолли. Так, описывая человека, подарившего коня, автор заметил, что он был голубоглазым, а волосы его были желтого цвета.

Таким образом, скорее всего, они пришли из Италии. Из источника также не ясен статус путешественников. Ученый склонялся к мнению, что эти люди, скорее всего, были купцами, но если они были дипломаты, то это сообщение уникально, так как других миссий европейских держав, прибывших в Китай в правление Хубилая, не известно (например, представители семьи Поло дипломатами не являлись)¹⁷.

Последняя деталь источника, которая, по мнению Синдзи Маэдзима, может пролить свет на этот рассказ — история о кубке. Для исследования ученый использовал монографию Бертольда Лауфера «Страусиные кубки Месопотамии и стран Востока в древности и Новое время» (1926). Из нее следует, что китайцам кубки из страусиных яиц были хорошо известны уже со II века до н.э. Их они получали в качестве дани и дипломатических подарков из Парфии, Сасанидского Ирана, Тохаристана, Согдианы. Поделки из яиц страуса очень ценились китайцами, а сами эти птицы держались императорами в специальных парках для экзотических животных. Исходя из этой информации, японский исследователь предположил, что упомянутый в источнике кубок, сделанный из яйца морской птицы, в реальности был сделан из яйца страуса. Этот кубок был куплен итальянскими купцами или послами на Ближнем Востоке, так как они могли услышать, что такие подарки весьма ценились китайскими императорами¹⁸.

В европейской науке к изучению данного пассажа вскоре приступил выдающийся немецкий китаевед Герберт Франке (1914–2011), впервые упомянувший о сюжете в своей рецензии на введение к «Книге о разнообразии мира», написанной Л. Ольшки, а затем и в вышедшем в Гонконге тексте лекции «Китайско-западные контакты в период Монгольской империи»¹⁹. Ценность исследования заключается в уверенности автора, что в этом полном «басен» рассказе можно вычленить истинное сообщение. «Как правило, имеется какой-то фактический базис даже для самых фантастических упоминаний, испорченных при передаче и искаженных ранее сложившимися концептами о мире», — считал исследователь. На фантастичность повествования работает также намерение путешественников удивить своих китайских и монгольских слушателей необычными историями²⁰.

Этот ученый также был согласен, что у персов под термином франки подразумевались, прежде всего, страны Средиземноморья, что видно из сочинений Рашид ад-Дина. Автор нашел также указание в книге танского писателя и чиновника Ван Жэньюя (880–965) о чудесном кубке. Книга называется «Кай юань тян бао и ши» и содержит информацию об известных людях, праздниках и необычных вещах. В этом источнике (гл. 1, 4b) читаем о том, что в сокровищнице императора хранился зелено-голубой кубок, который «был тонким, как бумага, и на ножке этого самонагревающегося кубка золочеными знаками стояла надпись “Цзы нуань бэй” (чашка, нагревающая себя сама). Когда император приказывал налить в него вино, оно становилось теплым, и возникал пар, как будто кипела жидкость». Исследователь предположил, что речь идет о реакции с негашеной известью, которая начинала реагировать с водой. Из указаний на чашу, на внешние особенности путешественников и женщин их народа, на представления о самозарождении мух из древесины, о воскрешении мертвецов при помощи молитвы невозможно судить о национальной принадлежности путников (кроме того, что это были европейцы, которым были характерны светлые волосы и глаза, и в Средние века в Европе была весьма популярна теория Аристотеля о самозарождении жизни)²¹.

Одним из ключевых моментов Г. Франке считал указание на тот факт, что таинственные послы во время движения преодолели два моря. Автор полагал, что не стоит буквально понимать сообщение о том, что якобы на преодоление первой преграды они потратили месяц, а второй — целый год. В данном случае, по его мнению, речь идет

только о том, что у путников больше времени ушло на то, чтобы проплыть по второму морю. Ученый поставил под сомнение тезис Синдзи Маэдзима о том, что под второй преградой подразумевалось Черное море, так как на его преодоление никак не могло уйти больше времени, а тем более — год. Исходя из этого, историк сделал вывод о том, что, скорее всего, речь идет не о Черном море, а о Персидском заливе. Однако такое толкование нельзя соотносить с мнением о том, что путешественники двигались на своих судах, поэтому из имеющегося материала вообще невозможно судить, о каких водных пространствах идет речь (Средиземное и Черное моря, Черное и Каспийское моря или вообще имеется в виду Индийский океан). Наконец, второй важной деталью, которая более точно должна указывать на Северную Европу, является упоминание белых ночей. Ученый отмечал: «Маэдзима верит, что эти сведения относятся более к другой стране, чем к Фа-лан, но контекст отчетливо показывает, что здесь подразумевается страна происхождения [явления]. Предложение о светлых ночах следует непосредственно за данными о том, что страна Фа-лан находится на крайнем Западе за землями уйгуров». Из чего автор сделал вывод, что «было бы приемлемым решением считать, что упомянутые “посланники” прибыли из Северной Европы, может быть, из Скандинавской области *или из торгового города Новгорода* (курсив мой. — В. Б.)»²². В другой своей статье Г. Франке даже указал, что версия о том, что путешественники прибыли из Новгорода, выглядит более убедительной²³. Другим свидетельством в пользу этой гипотезы могут служить указания о «полевых мышах», под которыми, по мнению ученого, могут подразумеваться даже лемминги (вероятно, автор имел в виду широко распространенный на севере европейской части России и в странах Северной Европы вид «лесной лемминг» (*Myopus schisticolor*)²⁴.

Стоит также отметить, что Г. Франке считал прибывших европейцев не послами, а купцами, хотя и никак не подкреплял это мнение²⁵.

Не так давно об интересующем нас сюжете упоминал также британский историк-медиевист Питер Джексон (род. 1948). В статье «Марко Поло и его “Путешествия”» и большой монографии «Монголы и Запад, 1221–1410» автор кратко передал содержание источника и присоединился к мнению Г. Франке, что под упомянутой в источнике страной нельзя понимать Италию. Речь, по его мнению, идет о какой-то северной территории. «Надо предполагать, что они были из Новгорода», — указал исследователь. Отметим также, что весьма сомнительный тезис Г. Франке о том, что путешественники якобы были купцами, П. Джексон не привел²⁶.

Итак, допустим, что точка зрения Франке — Джексона верна. В таком случае мы имеем ситуацию, что в 1258 г. из Новгорода вышла экспедиция, которая прибыла в Шанду 6 июня (н. ст.) 1261 г.²⁷

С точки зрения русского человека XIII века, жившего по юлианскому календарю (для данного века разница составляет семь суток) и ультрамартовскому стилю, прибытие новгородцев в ставку великого хана произошло 30 мая 6769 года от сотворения мира. Говоря о длящемся три года путешествии, подразумевалось, видимо, что уже третий год они были в пути (маловероятно, что под тремя годами подразумевается, что путь длится около тысячи дней). Таким образом, получаем, что выйти из Новгорода они должны были в один из дней с 1 марта 6767 г. до 28 февраля 6768 г. или с 1 марта 1259 г. до 28 февраля 1260 г. (ст. ст.) Логично предположить, что двигаться с дарами они должны были по водному пути Волхов — Ильмень — Ловать — Днепр. Во-первых, этот маршрут был хорошо знаком новгородцам еще со времен действия торгового пути «из варяг в греки», а во-вторых, это соотносится с сообщением Ван Юня о том, что путешественники преодолели две водные преграды. Таким образом, начало путешествия никак не могло произойти поздней осенью, когда затруднена навигация и, тем более, в январе—феврале. Самым удобным периодом для прохождения данного участка пути со времен пути «из варяг в греки» была весна.

Итак, можно прийти к предварительному заключению, что путешествие началось весной, в таком случае получается, что продлилось оно 26–28 месяцев. Сам факт

русского путешествия на восток в XIII веке не представляет ничего экстраординарного — хорошо известны поездки русских князей в столицу Монгольской империи Каракорум. А.Ю. Карпов называет пять таких случаев: Олег Ингваревич (пленный рязанский князь) — 1242–1243, Константин Ярославич (впоследствии ставший галицким князем) — 1243, Ярослав Всеволодович (великий князь владимирский) — 1245–1246, Александр Ярославич (новгородский и переяславль-залесский князь) — 1247–1249 и Глеб Василькович (белозерский князь) — 1256–1257²⁸.

Сразу может возникнуть вопрос о длительности путешествия 1261 г. в сравнении с поездками русских князей и тем более европейских путешественников²⁹. Объяснить такую медлительность сложно из-за краткости известия в сообщении Ван Юня и хронике «Юань ши». Можно предположить, что это было более крупное представительство, которое привезло многочисленные подарки великому хану. О том, что посольство было очень многочисленным, свидетельствует тот факт, что эти люди двигались на больших судах, вмещавших «от 50 до 100 человек». В источнике говорится об «одежде, изготовленной из растительного волокна (видимо, речь идет о льняной одежде. — В. Б.) и других предметах». Также среди подарков упомянут и чудесный кубок, который путешественники могли приобрести во время пути и преподнести императору как интересную диковину. Кроме того, на длительность пути повлияла и большая общая протяженность маршрута: по сравнению, например, с путешествием Г. Рубрука, участникам экспедиции пришлось преодолеть водный путь от Новгорода до Днепра, и кроме того, конечной целью был уже не Каракорум, а находящийся дальше город Шанду (ныне территория КНР, Внутренняя Монголия). Наконец, еще одним немаловажным фактором могла стать война за власть, разгоревшаяся после смерти великого хана Мунке между его братьями Хубилаем и Ариг-Бугой. Можно вспомнить, что братья Поло во время своего первого путешествия также вынуждены были сделать длительную остановку из-за татарских междоусобиц.

Закономерен также и вопрос о наименовании Руси страной Фа-лан. Известно, что начиная с первой половины XIV века для обозначения русского народа закрепились наименования *олосы*, *алосы*, *улосы* и реже *улусу*. Это слово является заимствованием монгольского термина *урус*, в свою очередь заимствованное ими от покоренных мусульманских народов. Примечательно, что известный китаевед П.И. Кафаров (Палладий) в библиотеке Пекинской академии смог найти китайскую рукописную карту, датированную им также XIV веком, на которой указано и государство Алосы, граничащее на северо-западе с Монгольской империей³⁰. Однако, все свидетельства о том, что Русь и русский народ именовались данными терминами, относятся уже XIV веку. В период, следующий непосредственно за монгольскими завоеваниями, вполне можно предположить, что по отношению к Руси применялось наименование Фа-лан го. На это может указывать очень не ясная локализация страны в представлениях Ван Юня — «за землями уйгуров». Также стоит отметить, что относительно новгородских земель, не подвергшихся вторжению, у монголов были весьма смутные представления. Так, Ю.В. Кривошеев отмечал: «Спустя двадцать лет (после завоевательных походов Бату-хана. — В. Б.) новгородская земля воспринималась монголами как неизвестная и неизведанная ими территория». Кроме того, как было сказано выше, персы, от которых термин «фаранг» перешел к китайцам, применяли его по отношению к христианам и европейцам вообще³¹.

И наконец, самый важный вопрос: какова могла быть цель этой гипотетической новгородской экспедиции? Для того чтобы на него ответить, надо обратиться к событиям политической истории Новгорода того времени.

После установления монгольского владычества по всей территории Руси началась перепись населения. На большей части Северо-Восточной Руси эта процедура была проведена без каких-либо серьезных последствий, но зимой 1258 г. переписчики («численники») добрались до Новгорода. Это привело к волнениям новгородцев, которые, в отличие от жителей Северо-Восточной Руси, не испытали монгольского нашествия

и не хотели терпеть никакого проявления зависимости от завоевателей, более того, сама перепись населения воспринималась жителями как что-то негативное, магическое. Князю Александру Ярославичу пришлось прибегнуть к насильственным методам, чтобы избежать большого карательного похода монголов против Новгорода³². Волнения жителей, по сообщению Новгородской первой летописи, прились на зиму 1259 г., то есть январь—февраль. Из этой же летописи нам известна и позиция Александра Ярославича: князь считал, что позволить татарам переписать население в данном случае будет меньшим из зол, поэтому он позволил сделать это, предоставив охрану для «численников»³³.

Примечательно, что переписчики были представителями великого хана, то есть общеимперской, а не улусной власти. Это было связано с тем, что в завоевательном походе 1236–1240 гг. принимали участие двенадцать принцев, и каждый из них претендовал на свою долю дани, которая могла распределяться только великим ханом в Каракоруме. В.Л. Егоров отмечал: «Центральное монгольское правительство не доверяло осуществление этой процедуры улусным ханам, а присылало для переписи населения своих “численников”. Именно эти чиновники в полном соответствии с центральноазиатскими кочевническими традициями подразделяли все данническое население по привычной десятичной системе»³⁴. Впервые связал сообщение Новгородской первой летописи об установке десятников, сотников, тысячников и темников со сбором дани М.Н. Тихомиров, который указал, что названные люди были не представителями монгольского военного командования, а выбранными «численниками» из русских, должностными лицами, в обязанности которых входили сбор, подсчет и доставка дани³⁵. В настоящее время такого мнения придерживается Ю.В. Кривошеев. Ученый указал, что десятичное деление общества было характерно и для Северо-Восточной Руси еще с XI века, и если первоначально такая система действительно была связана с военной организацией, то позднее «стала выполнять судебно-административные и финансовые функции». Таким образом, «численники» только обложили уже существующих должностных лиц дополнительной обязанностью сбора дани для Монгольской империи³⁵.

Связав сообщение о переписи новгородцев с точкой зрения Франке — Джексона, можно сделать предположение, что после установления монгольской дани в январе—феврале 1259 г. она была оперативно собрана специально поставленными для этого должностными лицами под руководством Александра Ярославича, который был заинтересован в том, чтобы конфликт был исчерпан как можно скорее. После открытия речной навигации весной дань была отправлена по пути Волхов — Ильмень — Ловать — Днепр и далее в татарские владения. Так как в начале весны хождение по этому речному пути могло быть осложнено, это также не могло не отразиться на скорости экспедиции. Вполне вероятно, что названные десятники, сотники, тысячники и темники, выбранные из представителей знати, могли и везти собранную впервые дань для великого хана в Каракорум (но так как резиденция была перенесена в Шанду, то им пришлось двигаться еще дальше). Такое путешествие могло нести две функции: помимо просто сбора и доставки дани для Хубилая, то есть признания зависимости великого князя от монгольского императора, оно также могло иметь и характер искупительного посольства за акт неповиновения монгольским должностным лицам зимой 1259 г.

Итак, точка зрения Г. Франке о том, что прибывшее ко двору Хубилая в Шанду в 1261 г. посольство могло быть новгородским, имеет некоторые основания, но за краткостью сообщения Ван Юня и династийной хроники «Юань ши», а также из-за отсутствия в русских летописях какой-либо информации о том, как собранная зимой 1259 г. в Новгороде дань была доставлена императору, это предположение может являться только одной из гипотез. Если последующие исследователи смогут найти какие-либо подтверждающие данную теорию свидетельства, то историю дипломатических контактов между Россией и Китаем можно будет углубить на три с половиной столетия.

1. В литературе XIX — начала XX века можно встретить упоминание о якобы имевшем место в 1567 г. путешествии Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, однако, как показали исследования Х. Трусевича и Ф. И. Покровского, сообщение о данной экспедиции — это всего лишь литературная попытка удревления более поздней, действительно имевшей место экспедиции Ивана Петлина 1618 г. Другое спорное свидетельство о прибытии русских в Китай в середине XVI века можно найти в сообщении португальского пирата Ф.-М. Пинто. Если это сообщение не является вымыслом морского разбойника, то его можно интерпретировать как сообщение о потомках русских солдат, уведённых в плен монголами в XIV веке или о русских пленниках, купленных неким среднеазиатским властителем для свиты и прибывших в Китай со своим господином. Таким образом, никаких доказательств о дипломатических контактах двух стран до 1618 г. нет. Подробнее см.: *Бронников В. Л. Русские в Китае в XVI веке // Содружество. 2017. № 14. С. 4–17.*
2. *Maejima Shinji. Marco Polo's Forerunners to the Court of Qubilai Khan // Orient. 1960. Vol. I. P. 48.* О том, что источник не был известен европейским авторами до начала 1960-х годов, писал и Г. Франке (*Franke H. Marco Polo's Asia, an Introduction to his "Description of the World" called "Il Milione" by Leonardo Olschki // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1962. Vol. 112. No. 1. S. 230.*).
3. О жизни Ван Юня см.: *Franke H. Wang Yün (1227–1304): A transmitter of Chinese values // China under Mongol Rule. Aldershot: Variorum, 1994. P. 153–196.*
4. *Maejima Shinji. Marco Polo's Forerunners... P. 46; Он же. Хубиле шуми фуши Боло као: [Тайный вице-советник Хубилая — Поло] // Дун ян шилунь цун: хэтянь боши хуаньли цзинянь: [Спор об истории Востока: к 60-летию юбилею профессора Вада]. Токио, 1951. С. 607.*
5. *Franke H. Marco Polo's Asia, an Introduction to his "Description of the World" called "Il Milione" by Leonardo Olschki. S. 229; Он же. Sino-Western contacts under the Mongol empire // Journal of the Royal Asiatic Society Hong Kong Branch. 1966. Vol. VI. P. 54.*
6. Эра Чжунтун длилась с 1260 по 1264 г.
7. *Franke H. Marco Polo's Asia... S. 230; Он же. Sino-Western contacts under the Mongol empire... P. 54–55.*
8. *Maejima Shinji. Marco Polo's Forerunners... P. 47; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 607.*
9. *Franke H. Marco Polo's Asia... S. 230.*
10. *Maejima Shinji. Тайный вице-советник Хубилая... С. 609.*
11. *Maejima Shinji. Marco Polo's Forerunners... P. 45–46; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 607.*
12. *Ibid. P. 46.*
13. *Ibid. P. 47; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 608.*
14. *Ibid. P. 46–47; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 608.*
15. *Ibid. P. 47; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 608.*
16. *Ibid. P. 48; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 608.*
17. *Ibid. P. 48–49; Он же. Тайный вице-советник Хубилая... С. 608.*
18. Лекция впоследствии была переиздана в сборнике трудов автора (см.: *Franke H. Sino-Western contacts under the Mongol empire... P. 49–72.*).
19. *Franke H. Sino-Western contacts under the Mongol empire... P. 55.*
20. *Franke H. Marco Polo's Asia... S. 230–232; Он же. Sino-Western contacts under the Mongol empire... P. 55.*
21. *Franke H. Marco Polo's Asia... S. 231.* Здесь же автор указал и на знакомство китайских авторов эпохи Юань с явлением белых ночей.
22. *Franke H. Sino-Western contacts under the Mongol empire... P. 55.*
23. *Franke H. Marco Polo's Asia... S. 231.*
24. *Franke H. Sino-Western contacts under the Mongol empire... P. 55.*
25. *Jackson P. Marco Polo and his "Travels" // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. L., 1998. Vol. 61. No. 1. P. 93; Он же. The Mongols and the West, 1221–1410. L.; N.Y.: Routledge, 2005. P. 294.*
26. *Franke H. Marco Polo's Asia... S. 231.*
27. *Карпов А. Ю. Батый. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 175.*

28. Если принимать за начало путешествия Г. Рубрука его высадку в крымском Судакe 21 мая 1253 г., то получается, что на весь путь до Каракорума у него ушло около восьми месяцев (прибыл 26 декабря). Что касается курьеров имперской почты, то они за два месяца могли преодолевать расстояние от Каракорума до Владимира.
29. Кафаров П. И. Русское поселение в Китае в первой половине XIV века // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 1. С. 65.
30. *Maejima Shinji*. Marco Polo's Forerunners... Р. 46–47; *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. С. 165.
31. *Егоров В. Л.* Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 53; *Кривошеев Ю. В.* Указ. соч. С. 164–184; *Селезнёв Ю. В.* Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017. С. 118.
32. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 82–83.
33. *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 48, 54.
34. *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII в. М., 1955. С. 269–270.
35. *Кривошеев Ю. В.* Указ. соч. С. 157–158.